

Анархизм и экзистенциализм

**доклад на либертарной секции конференции «Векторы» в Шанинке 18
апреля 2024 года**

Пётр Рябов

2025

Здравствуйтесь, ещё раз. Хотя я историк, а также вдобавок и историк философии, однако это моё небольшое выступление не будет по преимуществу историческим докладом. Я хотел бы довольно бегло и свободно поразмышлять о взаимоотношениях между анархизмом и экзистенциализмом, об их глубоких взаимных пересечениях, возможности более осознанного взаимопроникновения и синтеза, а также и о тех предрассудках и стереотипах, которые этому мешают. До этого мне, уже лет тридцать пять считающему себя в равной степени как анархистом, так и экзистенциалистом (хотя, разумеется, в разных аспектах) приходилось высказываться об этом лишь дважды: впервые — в новых изданиях своих «Анархических писем» (написанных в 1996–2002 годах), когда я (не без ироничной оглядки на знаменитую сартровскую лекцию «Экзистенциализм это гуманизм») решился дать второму письму (изначально безымянному) несколько претенциозное название «Экзистенциализм — это анархизм»¹, во второй раз (и несколько более подробно) — в публичной лекции с тем же названием, что и сегодняшний доклад, но с иным содержанием, перед пригласившими меня студентами ВШЭ, интересующимися философией анархизма, в конце 2019 года, в канун пандемии коронавируса² и всего ужасного, что за этим последовало.

И прежде всего, нам нужно отбросить ходячие поверхностные школярские представления о том, что такое «анархизм» (как «изм») и «экзистенциализм» (как «изм»). Обычно они числятся по разным номенклатурным разрядам в учебниках и массовых представлениях: «анархизм» обычно рассматривается как «социальное и политическое учение» (и только; ещё хорошо, если не как «идеология»!), а «экзистенциализм» — как «одно из направлений современной философии» (и только). То есть, если верить учебникам (а учебникам почти никогда верить не надо!), они соотносятся между собой, как, условно говоря, «река» и «гора». Что же может быть общего у реки с горой? И такой школьный взгляд, конечно, только мешает понять проблему их взаимоотношений.

На поверхности, на уровне «измов» (или, как ныне модно по-русски говорить: «позиционирования и репрезентации») они широки и разнообразны, но в глубине, как я убеждён, внутренне глубоко связаны и тяготеют друг к другу — не в Букве, не в «измах», а в Духе.

Экзистенциализм, как я полагаю, это не какая-то философская школа со своими догматами и скрижалями, а прежде всего определённая проблематика: набор экзистенциальных вопрошаний о смысле жизни, о свободе, вере, одиночестве, подлинности, заброшенности человека и его специфике в мире. И он, начав с разговора о личности, часто стремится обрести и социальное, intersubjectивное измерение (говоря языком Гуссерля).

Анархизм же часто выходит за рамки только социальных и политических вопросов и становится мировоззрением, в центре которого — доверие жизненной спонтанности, бунт против инертной данности, стремление к полному освобождению человека и обретению им братско-сестринской солидарности с другими людьми. Анархизм часто не хочет быть лишь социальным и политическим учением, но —

¹ Рябов П. Анархические письма. - М.: Радикальная теория и практика, 2013. С. 4, 39-73.

² Это выступление можно найти здесь: https://www.youtube.com/watch?v=hRtRTV_grRs

мировоззрением, а значит, неизбежно выходит на экзистенциальные вопросы. Рисковать жизнью можно не только и не столько за повышение зарплаты, сколько — за человеческое достоинство, свободу и обретение полноты и смысла в жизни. И, стремясь к обретению смысла, созданию онтологии свободы и обоснованию философии сопротивления, анархизм особенно в современном постциентистском мире — сплошь и рядом выходит на экзистенциальные вопросы, и часто на экзистенциалистские ответы. Любое великое романтическое революционное движение метафизично по сути, ибо трансцендирует существующий порядок вещей, выходит на последние и вечные экзистенциальные проблемы, на вопросы смысла жизни, а не просто большей «эффективности» или «рационализации» общественного устройства. И анархизм с его радикализмом именно таков. (Вспомним: испанские анархисты во время Революции тридцатых годов воспринимали «Хлеб и Волю» Кропоткина не просто как гипотетическое размышление о новом вольном обществе, но как новую Библию, заменяющую Писание обанкротившегося христианства.) Особенно это относится к современной предапокалипсической и постхристианской, но также и постсекулярной эпохе, когда рухнул модерн с его обезличивающей и деперсонализирующей слепой верой в разум, науку и прогресс, общество тотально атомизировалось, и точкой опоры анархизма стала не наивная вера в скорый рай на Земле и не социальность (и то и другое — во многом необратимо разрушены), а именно одинокая трагическая бунтующая личность, стремящаяся опереться на свою свободу и достоинство и прорваться к другим людям, её сотоварищам и сотоваркам по несчастью. И тут невольно и неизбежно вспоминается констатация и призыв Камю: *«Я бунтую, следовательно, мы существуем!»* То есть выходом из бессмыслицы и одиночества оказывается, по-бакунински, «святое чувство бунта» (да и по-штирнеровски), Бунт — против данности (в диапазоне от смерти до угнетения) и против любого рабства во всех его изошрённых формах и обличьях, — Бунт и как основа современной человеческой реальности (в эпоху после «смерти Бога»), и как начало солидарности и братства-сестринства³.

Со своей стороны, в то время, когда анархизм всё более оказывался наедине с личностью и её экзистенциальными вопрошаниями, экзистенциализм, начавшись с вопросов личности, постепенно развивался в сторону попыток выйти за рамки одинокой личности — к диалогу, экзистенциальной межличностной коммуникации, совместному действию и проекции своих идей и ценностей на сферу социальности. И на этом пути он всё чаще приходит к анархизму. Если Кьеркегор считал всякую социальность неподлинной, отчуждающей и лживой, то Ясперс, Бердяев, Марсель пытались обосновать философию диалога и встречи Я с Ты. Сартр в последние свои десятилетия пытался достроить собственный экзистенциализм и как социально-революционное учение. При этом, напомним вам, Мартин Бубер был анархистом (последователем Кропоткина и другом Густава Ландауэра), Альбер Камю и Жан Поль Сартр не скрывали своих симпатий к либертарному социализму, а Бердяев называл

³ Об этом см.: Рябов П.В. Человек бунтующий - философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю И Возрождение России: проблемы ценностей в диалоге культур. Материалы второй Всероссийской научной конференции. Ч. 1. Нижний Новгород 1994. С. 74-76; Рябов П.В. Философия бунта Михаила Бакунина. И Памяти М.А. Бакунина. - М.: Институт экономики РАН, 2000. С. 38-66; Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). - М.: Вузовская книга, 2007.

себя «персоналистическим социалистом» и «христианским анархистом», полностью отрицая все формы власти и авторитета над личностью как неподлинные. По его признанию: *«Всё, что я утверждал, есть утверждение свободы и из свободы. Опыт свободы есть первичный опыт... Борьба за свободу, которую я вёл всю жизнь, была самым положительным и ценным в моей жизни... никогда не знал никакого авторитета и никогда никакого авторитета не признавал»* — ни в семье, ни в философии, ни в религии. *«С детства я решил, что никогда не буду служить, так как никогда не соглашусь подчиниться никакому начальнику»*⁴. Не был чужд анархизма и «испанский Толстой», великий писатель-экзистенциалист Мигель де Унамуно. С другой же стороны, наиболее значительный российский мыслитель эпохи посткропоткинско-анархизма Алексей Боровой в своём позднем творчестве периода двадцатых — начала тридцатых годов (в частности, в книге о Достоевском) развивался в направлении от философии жизни бергсонизма к экзистенциализму. Таковы лишь некоторые — но не случайные и показательные — пересечения на поверхности этих двух гигантских духовных «айсбергов». Но куда интереснее и важнее говорить не о поверхности, а о глубине их встреч и невстреч.

Исторически анархизм и экзистенциализм XIX—начала XX веков одновременно непрерывно притягиваются друг к другу и неумолимо расходятся, интуитивно тяготеют и присматриваются один к другому, при этом часто не замечая. Часто они не видят друг друга, долго не встречаются, существуют в разных культурных измерениях и универсумах.

Модернистский анархизм от Годвина и Прудона до Кропоткина и Букчина — по преимуществу социологический и социальный, благодущный, прогрессистский, рациональный, просвещенческий, стремящийся к гармоничному и разумному царству справедливости на Земле, крайне оптимистический в отношении народного массового творчества и возможностей науки, — долгое время преимущественно игнорировал экзистенциальные вопросы, был нечувствителен к трагическому, закрываясь от него, как весь модерн, религией сциентизированного прогрессизма и антропоцентризма. И лишь иногда анархизм возвращался к романтической, антипросвещенческой традиции мысли, продолжившейся в философии жизни Ницше и Бергсона, с их витализмом, пафосом стихии и воли, бунтарством и творческим порывом, сметающим все претензии науки и рассудка и взывающим к личности. Ницше, с одной стороны, — величайший освободитель, опрокидывающий все авторитеты, проклинающий толпу и «холодное чудовище» Государства, призывающий каждого из людей стать взрослым и свободным и возлюбить катастрофизм жизненной бури, с её страданиями, рисками и крушениями, с другой стороны, — певец иерархии и аристократизма, войны и патриархата. Бергсон, с одной стороны, — гениальный либертарный философ, творец онтологии свободы и творчества, не знающих границ, критик застывшей нормативной морали и догматической религии, теоретик самоорганизации и вечного порыва, неутомимый разоблачитель сциентизма и рационализма, вдохновивший столь многих бунтарей и анархистов от Жоржа Сореля до Алексея Борового и Иуды Гроссман-Рощина, но при том увя, по своим социаль-

⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. (Предисловие и примечания П. Рябов). - М.: ЭКСМО, 2009. С. 92.

ным выводам сам не посмевающий пойти дальше либерального половинчатого идеала «открытого общества», двигаемого императивом любви, созидания, упразднения всех границ между людьми. Хотя сам Бергсон толковал этот идеал в либеральном духе (повлияв и на либерала Поппера, позаимствовавшего эту идею у него), но многие либертарианские вполне оправданно развивали и истолковывали его идеи вполне по-анархически. И всё же в целом классический анархизм модерна не очень пересекается с экзистенциальной философией мысли. Паскаль, Кьеркегор, Достоевский, Унамуно мало что значили для Прудона, Кропоткина или Рокера. Как и наоборот. Риторика, круг проблем, весь мир этих движений существовал, в целом, в разных измерениях.

С другой стороны, экзистенциализм — от Монтеня, Паскаля, Кьеркегора, Ницше и до Шестова, Достоевского и Унамуно выражал стоическое переживание открывшейся человеку «бездны», бездомности и заброшенности в опустевший после смерти Бога бесконечный мир. Трагическое противостояние краху модернистской культуры, отчаяние героической и жалкой личности в рушащемся мироздании. И этот, ранний экзистенциализм испытывал органическое презрение к любым (тем более, оптимистическим) социальным учениям, видя в них посягательство на автономию личности, попытки замазать трещины бытия и устранить трагическое и иррациональное.

И вот — лишь на кровотокающих руинах модерна начинается их нелёгкий диалог, взаимное несмелое движение навстречу друг другу — осторожное и противоречивое. Пафос экзистенциализма — свободная личность; пафос анархизма — свободное общество. И они нуждаются друг в друге, как личность в обществе, и общество в личности. Но одновременно — и не совпадают, не узнают, враждуют, отталкиваются. Личность стремится сбежать из общества, не отдать ему своё самое заветное и невыразимое. Общество, пусть и самое наилибертарное, стремится не заметить личность, растворить её в себе без остатка⁵.

Если смотреть в самую суть проблемы соотношения анархизма и экзистенциализма, то мы там и увидим эту мучительную диалектику притяжения и отталкивания личности и общества, с одной стороны, предполагающую гармонию и свободу друг друга, а с другой, — несводимость личности к обществу без остатка, её нерастворимость в нём и постоянную тревогу по поводу возможной неподлинности и отчуждения. В этой паре, при всём внешнем могуществе и превосходстве общества, для анархизма и, тем более, для экзистенциализма, личность — онтологически и аксиологически — первичнее и важнее. Только личность, а не общество, рождается, страдает и умирает, только она — мотор бунта и исходная точка для общественных изменений. Нелегко было анархизму признать эту истину. И не зря второй том «Критики диалектического разума» Сартра должен был быть посвящён рассмотрению рокового вопроса о возможности неотчуждённого социального действия и о том, как и почему свободные «группы» (аналог штирнеровских «союзов эгоистов») вырождаются в авторитарные окостеневшие «коллективы» (у Штирнера — в «общество», тюрьму для свободы Единственного). И Штирнер, и Камю исходным пунктом рассматривали личный Бунт, а социальную Революцию лишь его, неизбежно вторичным и искажённым, следствием.

⁵ Боровой А.А. Личность и общество в анархическом мировоззрении. — М.: РИПОЛ-классик, 2021.

Анархист, выдающийся философ диалога, мистик-хасид и религиозный экзистенциалист Мартин Бубер обогащает либертарную мысль великой идеей встречи, признания Ты, без которых невозможны рост и становление моего Я. И совсем не анархист, но либерал и религиозный экзистенциалист Габриэль Марсель, сам того даже не подозревая, в понимании свободы идёт вслед за Бакуниным, а не за либералами: для него свобода других не ограничивает мою свободу, а продолжает и расширяет её. И это неузнанное Марселем его созвучие с анархизмом поразительно! Певец свободы Сартр вновь и вновь пытается построить либертарную концепцию социального действия и, подобно Бакунину, подчёркивает, что человечность человека тождественна его свободе. Альбер Камю, продумывая философию Бунта и развивая всеобъемлющую самокритику революционного проекта в модерне, в своих «Речах о Бунте» выражает восхищение Бакуниным в его борьбе против авторитарного социализма Маркса.

Мы живём в эпоху катастроф, разочарований, разобщения, и оттого анархизм, по моему убеждению, как никогда должен повернуться за новым дыханием лицом к экзистенциальным вопросам, к великой экзистенциальной онтологии свободы (понимаемой как суть человечности человека, его безосновная основа, непрерывное творчество, самосозидание и ответственность), к философии Бунта Камю (неосознанно созвучной мыслям Штирнера и Бакунина), к философии диалога Бубера и экзистенциальной коммуникации Марселя и Ясперса. Именно с разрозненных одиночек, противостоящих абсурду, именно с бунтующих личностей, вновь и вновь создающих человеческую человечность, может сегодня начаться перевоссоздание социальной ткани и внешняя социальная революция, невозможная без внутреннего личного Бунта. И напротив, индивидуалистическая и персоналистическая философия экзистенциализма не может и не должна игнорировать социальное и обречена снова и снова обращаться к анархизму, сочетая свою трагически-эсхатологическую философию личности с либертарной социальной мыслью, наиболее чуткой к теме свободы и автономии человека.

Попытки подвести под анархизм постструктуралистское и фрейдистское основание (в постанархизме) мне кажутся очевидно бесплодными и неудачными, так как, фиксируя всемогущество и неуязвимость власти и отрицая субъектность личности, они ведут лишь к сворачиванию либертарного проекта. Точно также, попытки строить анархическую апологию свободы на материалистическом фундаменте (неизбежно детерминистском и деперсонализирующем, игнорирующем свободу и личность), предпринимавшиеся в двух прошлых столетиях я, вслед за Малатестой, считаю не очень плодотворными. Напротив, экзистенциализм, отрицающий эссенциалистское объективирующее понимание человека, рассматривающий его как неповторимую свободную личность и как необъективируемую самосозидающую активность, бунтующую против бессмысленной и инертной данности и трансцендирующей её в акте творчества, сохраняет субъектность и оставляет надежду на свободу даже в самое жуткое и трагическое время наступившего Рагнарёка. По формуле Булата Окуджавы: *«Может, и не станешь победителем, но зато умрёшь, как человек»*, что, согласитесь, уже немало.

Старое, нелепое и никогда вполне не адекватное разделение анархистов на «социальных анархистов» (то есть анархо-коммунистов и либертарных социалистов-

коллективистов (бакунинского толка)) и на «анархо-индивидуалистов» (хотя и сто лет назад из этого будто бы непререкаемого правила, установленного академическими педантами, имелось множество ярких исключений — от Эммы Гольдман и Алексея Борового и Андрея Андреева до Конфедерации анархистов Украины «Набат», вполне сочетавших в своих мировоззрениях и творчестве анархический социализм с анархическим индивидуализмом), сейчас выглядит совсем уж до неприличия архаичным и неадекватным и тем паче должно быть преодолено и устранено даже со страниц школьных учебников. За вопросом о синтезе анархизма и экзистенциализма скрываются другие принципиальные вопросы:

- о связи смысла жизни и творческого преобразования социальной повседневности;
- о связи — борьбе и гармонии — личности и общества и о (не)возможности воплощения совершенного анархического идеала, а значит о понимании анархии не как Цели, но как Пути;
- о связи философии и социальной теории.

И здесь сливаются воедино переживание трагического чувства жизни, радикальное и бескомпромиссное понимание свободы, философия Бунта (Штирнера, Бакунина и Камю), преодоление сциентизма (Бакуниным, Боровым и экзистенциальными философами, а также Бергсоном, Ницше, Фейерабендом и франкфуртцами), «союз эгоистов» и «республика друзей» Штирнера и Абрамовского и «группа» Сартра, доверие к спонтанности и волонтаризму жизни и критика всех форм отчуждения, эссенциализма и объективации и многие другие глубокие пересечения двух этих традиций.

Анархизм и экзистенциализм одновременно и совместно — предельно личностны, экзистенциальны, стремятся к разрешению последних «проклятых» вопросов бытия в эпоху «смерти Бога» и конца модерна, и в то же время — социальные, ангажированы, стремясь к преодолению космического одиночества и отчуждения личности и сокрушению социальной несправедливости. Революция социальная неизбежно предполагает в своём основании революцию личностную и метафизическую. Поэтому, вновь перефразируя название известного выступления Сартра и несколько утрируя, могу завершить словами: «Экзистенциализм — это анархизм».

Список литературы

- Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. (Предисловие и примечания П. Рябов). — М.: ЭКСМО, 2009.
- Боровой А.А. Личность и общество в анархическом мировоззрении. — М.: РИПОЛ-классик, 2021.
- Рябов П.В. Анархические письма. — М.: Радикальная теория и практика, 2013.

- Рябов П.В. Анархизм и экзистенциализм. Выступление перед студентами ВШЭ с модерацией профессора Т.П. Лифинцевой в ноябре 2019 года.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=hRtRTV_grRs
- Рябов П.В. Философия бунта Михаила Бакунина. // Памяти М.А. Бакунина. — М.: Институт экономики РАН, 2000. С. 38-66. Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). — М.: Вузовская книга, 2007.
- Рябов П.В. Человек бунтующий — философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю.// Возрождение России: проблемы ценностей в диалоге культур. Материалы второй Всероссийской научной конференции. Ч.1 — Нижний Новгород, 1994. С. 74-76.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Пётр Рябов
Анархизм и экзистенциализм
доклад на либертарной секции конференции «Векторы» в Шанинке 18 апреля 2024
года
2025

OCR по изданию: Современные либертарные теории и практики. Сборник статей
секции 2024-2025 — Кооператив Компост × СЛТП, 2025. — 310 с.

ru.anarchistlibraries.net